

«Ставить балеты — это почти что книги писать»

Считает хореограф Эдуард Лок

фестиваль балет

На открытии международного фестиваля современного танца Dancelnversion канадская труппа La La La Human Steps показывает спектакль «Амелия» в постановке своего основателя и руководителя Эдуарда Лока. Накануне московской премьеры ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА встретила со всемирно известным, но совершенно не знакомым России хореографом ЭДУАРДОМ ЛОКОМ.

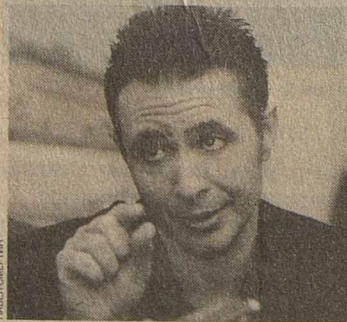
— Если бы не визит генерал-губернатора Канады, только бы мы вас и видели?

— Визит генерал-губернатора ничего не меняет. Мы пытались попасть в Россию еще 20 лет назад, и вот наконец нам удалось приехать.

— И что же вам мешало?

— Просто организаторы были не заинтересованы в нас.

— Канада не самая балетная страна. Почему вас потянуло заниматься танцами?

— Вообще-то я хотел стать писателем. Но в университете у меня оказался харизматичный преподаватель, который и заразил меня исследованием движения и различных техник танца. Ставить балеты — это, в сущности, почти что книги писать.

— В Москве вы устроили кастинг для русских танцовщиц. Зачем вам они?

— Всегда провожу кастинг в больших городах: ведь после каждой работы часть артистов уходит. И тогда мы можем позвонить и пригласить новых. Больше всего людей сменилось в компании в 2001-м, когда мы

перешли на пуанты — это был великий перелом, и многим людям пришлось уйти.

— К каждой работе вы делаете фотосерию. Зачем?

— Каждая постановка уникальна, и ее образ должен быть запечатлен в фотографиях. Я делаю фотографии и для себя, но они странные, их выставляют маленькие галереи. Для публики я делаю другие, их и берет в свою коллекцию Университет Квебека и авиакомпания Air Canada.

— Как вы работаете с композитором Лэнгом — как Петипа, который диктовал Чайковскому темпы и количество тактов, или даете ему свободу?

— Мы работаем вместе почти десять лет. Я звоню ему и говорю: «Делаю новую постановку, ты не мог бы написать музыку?» Он говорит: «Да, когда?» И все. Я никогда не говорю ему, что делать, потому что работаю в тишине. Я думаю, что танец, визуальный образ — это холодный образ. А

музыка — это теплое, даже горячее что-то. На подсознательном уровне. Когда это соединяется, получается непредсказуемый результат.

— То есть вы накладываете музыку на уже сделанную хореографию?

— Вот вы гуляете в лесу, слушаете радио, и ваше восприятие леса зависит от музыки, но сам-то лес не меняется. Сложное движение — это как белый цвет, поглотивший весь спектр. Музыка может вытащить из него любой цвет — синий, красный, зеленый, а публика может вытянуть другой цвет и может интерпретировать это по-своему. Но для танцовщика движение должно быть только белым: он не интерпретатор, он его проводник. Когда танцовщик ничего не чувствует, это именно то, что надо, — тогда публика чувствует за него.

— Безумный темп ваших спектаклей — это ваше ощущение времени?

— Долго объяснять. Ну, вот если вы быстро машете рукой перед

лицом, вы не видите руку, но думаете, что это рука. То есть между тем, что мы видим и что думаем, большая разница. Когда вы видите, вы получаете информацию, когда думаете, вы проецируете информацию на предмет. Если тело быстро движется на сцене, вы не успеваете думать. Но вы узнаете его так, как будто не видели раньше. Как ребенок.

— Чем вас так потрясли транзиты в юности, если вы спустя столько лет сделали их темой вашего балета?

— Мне просто было уютно с ними, у них был такой тихий удивительный мир. Я был молод и находился как бы снаружи этого мира, то есть я как бы постоянно смотрел спектакль.

— Совпадает ли оценка публики с вашей собственной оценкой спектакля?

— Иногда ко мне подходят люди и интерпретируют спектакль так, как я его не вижу.

— Обидно быть непонятым?

— Нет, потому что никого никогда невозможно понять до конца.

Коммерсантъ - 2003 - 25 сент. - с. 21.

Лок Эдуард

25.09.03